

Фридрих
Хайек

ПРАВО, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СВОБОДА

УДК 340+342
ББК 67.0+67.400
Х15

Учредитель: В. Завадников

Редактор: Ю. Кузнецов

Издатель: А. Куряев

Перевод с английского:

Б. Пинскер (гл. 1—11), А. Кустарев (гл. 12—18)

Научный редактор: А. Куряев

Хайек, Фридрих фон.

Х15 Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 645 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-729-6

Фридрих Август фон Хайек (1899—1992), лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., был одним из наиболее ярких представителей классического либерализма. В настоящее время он считается классиком не только экономической, но и политической мысли и в таком качестве пользуется признанием не только классических либералов, но и консерваторов, а также представителей других политических течений. Книга «Право, законодательство и свобода» является наиболее развернутым изложением идей Хайека относительно эволюции социальных норм и институтов. Существующие правила и обычаи, институты собственности и контракта, а также такие ценности, как честность и мир, укоренились в обществе в силу своей целесообразности. Но мы не вполне понимаем, как они работают; они установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей. Именно потому, что связь между индивидуальным поведением и всеобъемлющим порядком так трудно поддается предсказанию, не следует думать, что, заставляя людей действовать определенным образом, можно создать действительно жизнеспособное общество. На социально-политической концепции автора основывается его доктрина конституционализма, весьма оригинальная и при этом критическая по отношению к существующим институтам либерально-демократического государства.

Книга рассчитана на философов, экономистов, политологов, правоведов — как теоретиков, так и практиков. Она также будет неоценимым пособием для всех изучающих современную политическую мысль.

УДК 340+342
ББК 67.0+67.400

Электронное издание на основе печатного издания: Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — 644 с. — ISBN 978-5-91603-128-7 — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-729-6

© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2007

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книга Ф. А. фон Хайека «Право, законодательство и свобода», которую Вы держите в руках, открывает серию «Политическая наука» проекта «Навигатор».

Австрийско-американский экономист и политический философ Фридрих Август фон Хайек (1899—1992), лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., вряд ли нуждается в особом представлении для российского читателя. В нашей стране вышел целый ряд работ этого выдающегося мыслителя, оказавших большое влияние как на развитие социальных наук, так и на практическую политику во многих странах. Но не меньшая, даже скорее большая, часть корпуса текстов Хайека еще ждет своего переводчика и издателя.

Несмотря на то, что книга «Право, законодательство и свобода» опубликована в 70-х годах прошлого века, поставленные в ней проблемы не только не потеряли актуальность, но и приобрели еще большую остроту — и в этом состоит одна из причин, по которой данная работа может быть отнесена к разряду современной классики.

В данной книге автор развивает свою концепцию стихийного порядка и эволюции общественных институтов, получившую широкое признание в современной социально-политической мысли. Общественные институты, доказывает он, будучи продуктами человеческой деятельности, не являются результатом человеческого замысла. На социально-политической концепции автора основывается его доктрина конституционализма, весьма оригинальная и при этом критическая по отношению к существующим институтам либерально-демократического государства.

Хайек очень хорошо видит глубинные структурные пороки современных политических систем западных стран, неизбежно ведущие к упадку демократии и ограничению свободы. Традиционная доктрина либерального конституционализма, по его мнению, больше неспособна защищать принцип верховенства права от натиска концепции суверенитета народа — концепции секуляризованного божественного всемогущества. В то же время экономический интервенционизм породил новые формы политической жизни, оторвавшие реальную политическую практику от конституционных форм. Хайек анализирует идейные, социальные и политические причины складывающейся ситуации и предлагает путь решения, состоящий в переосмыслении философии публичного права и серьезной реформе правовых и политических институтов.

Россия в ходе постсоветских реформ позаимствовала как традиционные формы западного конституционализма, так и господствующие политические доктрины. Но в силу специфики нашей исторической ситуации те проблемы, о которых пишет Хайек, проявляются в нашей практике еще более ярко. Поэтому его анализ и его идеи являются чрезвычайно актуальными для нашей страны.

Хайек был представителем классического либерализма или, как он сам говорил, доктрины «старых вигов» — философии, сыгравшей громадную роль в формировании облика современной цивилизации, сначала европейской, а затем и общемировой. Но его значение как политического философа выходит далеко за рамки того или иного политического течения. Книга «Право, законодательство и свобода» несомненно входит в сокровищницу мировой политической философии, и мы надеемся, что ее издание на русском языке станет нашим скромным вкладом в развитие политической мысли России.

*Валентин Завадников,
Председатель Редакционного совета
проекта «Навигатор»
Июль 2006 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	5
-----------------------	---

Книга I. ПРАВИЛА И ПОРЯДОК

ПРЕДИСЛОВИЕ	19
ВВЕДЕНИЕ	20
Глава 1. РАЗУМ И ЭВОЛЮЦИЯ	27
Глава 2. КОСМОС И ТАКСИС	53
Глава 3. ПРИНЦИПЫ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ	73
Глава 4. МЕНЯЮЩАЯСЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНА	91
Глава 5. NOMOS: ЗАКОН СВОБОДЫ	113
Глава 6. THESIS: ЗАКОН ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	143

Книга II. МИРАЖ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ	167
Глава 7. ОБЩЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАДАЧИ.	169
Глава 8. В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ.	199
Глава 9. «СОЦИАЛЬНАЯ», ИЛИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ	231
Приложение к главе 9. СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	269
Глава 10. РЫНОЧНЫЙ ПОРЯДОК, ИЛИ КАТАЛЛАКТИКА	275
Глава 11. ДИСЦИПЛИНА АБСТРАКТНЫХ ПРАВИЛ И ЭМОЦИИ ПЛЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	299

Книга III. ОБЩЕСТВО СВОБОДНЫХ

Глава 12.	МНЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ	321
Глава 13.	РАЗДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ	341
Глава 14.	ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ СЕКТОРЫ	36••
Глава 15.	ПРАВИТЕЛЬСТВО И РЫНОК	38••
Глава 16.	ИЗВРАЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА: ВЫВОДЫ	41••
Глава 17.	МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИИ	42••
Глава 18.	СДЕРЖИВАНИЕ ВЛАСТИ И РАЗВЕНЧАНИЕ ПОЛИТИКИ	44••
Эпилог.	ТРИ ИСТОЧНИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ.	47••

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ 5

Книга I. ПРАВИЛА И ПОРЯДОК

ПРЕДИСЛОВИЕ 19

ВВЕДЕНИЕ 20

Глава 1. РАЗУМ И ЭВОЛЮЦИЯ 27

Конструирование и эволюция 27

Принципы картезианского рационализма 28

Постоянные ограничения нашего знания фактов 31

Знание фактов и наука 34

Одновременная эволюция ума и общества: роль правил 36

Ложная дихотомия «естественное» / «искусственное» 39

Возникновение эволюционного подхода 40

Живучесть конструктивизма в современной научной мысли 43

Наш антропоморфный язык 45

Разум и абстракция 47

*Почему крайние формы конструктивистского реализма регулярно
приводят к бунту против разума* 50

Глава 2. КОСМОС И ТАКСИС 53

Концепция порядка 53

Два источника порядка 54

Отличительные свойства стихийного порядка 56

Стихийные порядки в природе 57

*В обществе доверие к стихийному порядку одновременно
и умножает, и ограничивает возможности управления* 59

*Стихийный порядок возникает благодаря тому, что его
элементы подчиняются определенным правилам поведения* 61

*Стихийный порядок общества создается людьми
и организациями* 64

Правила стихийного порядка и правила организации 66

Термины «организм» и «организация» 70

Глава 3. ПРИНЦИПЫ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ 73

Личные цели и коллективные выгоды 73

*Свободу можно сохранить, только следуя принципам, а подчинение
требованиям целесообразности ее разрушает* 74

*В политике «необходимость» — это, как правило,
результат прошлых решений* 77

<i>Опасность придания большего значения предсказуемым, а не просто возможным последствиям наших действий . . . . .</i>	<i>79</i>
<i>Ложный реализм и мужество, требующееся, чтобы размышлять об утопии . . . . .</i>	<i>81</i>
<i>Роль юриста в политической эволюции . . . . .</i>	<i>83</i>
<i>Современное развитие права направлялось, главным образом, ложной экономической теорией . . . . .</i>	<i>85</i>
Глава 4. МЕНЯЮЩАЯСЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНА.	91
<i>Право старше законодательства . . . . .</i>	<i>91</i>
<i>Уроки этологии и культурной антропологии . . . . .</i>	<i>93</i>
<i>Процесс облечения установившихся практик в слова . . . . .</i>	<i>95</i>
<i>Правила фактические и нормативные . . . . .</i>	<i>98</i>
<i>Закон в древности . . . . .</i>	<i>100</i>
<i>Классическая и средневековая традиция . . . . .</i>	<i>101</i>
<i>Отличительные свойства закона, возникающего на основе обычая и прецедента . . . . .</i>	<i>104</i>
<i>Почему зрелый закон нуждается в корректировке со стороны законодателя . . . . .</i>	<i>107</i>
<i>Происхождение законодательных органов . . . . .</i>	<i>109</i>
<i>Лояльность и суверенитет . . . . .</i>	<i>110</i>
Глава 5. NOMOS: ЗАКОН СВОБОДЫ	113
<i>Функции судьи . . . . .</i>	<i>113</i>
<i>Чем задача судьи отличается от задачи главы организации . . . . .</i>	<i>116</i>
<i>Цель судопроизводства — поддержание существующего порядка действий . . . . .</i>	<i>117</i>
<i>«Действия по отношению к другим» и защита ожиданий . . . . .</i>	<i>120</i>
<i>В динамичном порядке действий могут быть защищены лишь некоторые ожидания . . . . .</i>	<i>121</i>
<i>Максимальное совпадение ожиданий достигается при установлении границ защищенной сферы интересов . . . . .</i>	<i>125</i>
<i>Общая проблема влияния ценностей на факты . . . . .</i>	<i>128</i>
<i>«Цель» закона . . . . .</i>	<i>130</i>
<i>Формулирование закона и предсказуемость судебных решений . . . . .</i>	<i>133</i>
<i>Функция судьи ограничена стихийным порядком . . . . .</i>	<i>137</i>
<i>Выводы . . . . .</i>	<i>140</i>
Глава 6. THESIS: ЗАКОН ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	143
<i>Законотворчество возникло из необходимости установления правил организации . . . . .</i>	<i>143</i>
<i>Закон и статут: проведение закона в жизнь и исполнение приказов . . . . .</i>	<i>145</i>
<i>Законодательство и теория разделения властей . . . . .</i>	<i>147</i>

<i>Правительственные функции представительных органов . . . . .</i>	<i>148</i>
<i>Частное право и публичное право . . . . .</i>	<i>150</i>
<i>Конституционное право . . . . .</i>	<i>153</i>
<i>Финансовое законодательство . . . . .</i>	<i>155</i>
<i>Административное право и охрана правового порядка . . . . .</i>	<i>156</i>
<i>«Меры» экономической политики . . . . .</i>	<i>158</i>
<i>Трансформация частного права в публичное с помощью «социального» законодательства . . . . .</i>	<i>160</i>
<i>Интеллектуальный перекоп законодательного собрания, поглощенного делами правительства . . . . .</i>	<i>162</i>

Книга II. МИРАЖ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ	167
------------------------------	------------

Глава 7. ОБЩЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАДАЧИ	169
---	------------

<i>В общем случае для свободного общества благо, если его граждане могут беспрепятственно стремиться к собственным целям . . . . .</i>	<i>169</i>
<i>Общий интерес и коллективные блага . . . . .</i>	<i>173</i>
<i>Правила и неведение . . . . .</i>	<i>176</i>
<i>Значимость абстрактных правил как ориентиров в мире со многими неизвестными . . . . .</i>	<i>179</i>
<i>Воля и мнение, цели и ценности, распоряжения и правила, и другие терминологические вопросы . . . . .</i>	<i>180</i>
<i>Абстрактные правила выступают в качестве основных ценностей, потому что служат неустановленным особым целям . . . . .</i>	<i>183</i>
<i>Конструктивистское заблуждение утилитаризма . . . . .</i>	<i>185</i>
<i>Правила поведения следует серьезно критиковать или улучшать только в рамках данной системы правил. . . . .</i>	<i>191</i>
<i>«Обобщение», или проверка на универсализуемость . . . . .</i>	<i>195</i>
<i>Правила могут выполнять свои функции только при длительном применении . . . . .</i>	<i>196</i>

Глава 8. В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ	199
--	------------

<i>Справедливость — свойство человеческого поведения . . . . .</i>	<i>199</i>
<i>Справедливость и право . . . . .</i>	<i>202</i>
<i>В общем случае правила справедливого поведения представляют собой запрет на несправедливое поведение . . . . .</i>	<i>203</i>
<i>Отрицательны не только правила справедливого поведения, но и критерий их справедливости . . . . .</i>	<i>207</i>
<i>Значение отрицательного характера критерия несправедливости . . . . .</i>	<i>211</i>

<i>Идеология правового позитивизма</i>	213
<i>«Чистая теория права»</i>	217
<i>Право и нравственность</i>	225
<i>«Естественное право»</i>	227
<i>Закон и суверенитет</i>	229
Глава 9. «СОЦИАЛЬНАЯ», ИЛИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ	231
<i>Концепция «социальной справедливости»</i>	231
<i>Завоевание воображения общества идеей «социальной справедливости»</i>	234
<i>Неприложимость концепции справедливости к результатам стихийного процесса</i>	237
<i>Логическое обоснование экономической игры, в которой справедливым может быть только поведение игроков, но не результат</i>	239
<i>Сомнительная необходимость верить в справедливость вознаграждения</i>	242
<i>Не существует «ценности для общества»</i>	243
<i>Что означает «социальный»? . . . . .</i>	247
<i>«Социальная справедливость» и равенство</i>	248
<i>«Равенство возможностей»</i>	253
<i>«Социальная справедливость» и свобода в рамках закона</i>	254
<i>Пространственный предел «социальной справедливости»</i>	256
<i>Требования компенсации за неприятную работу</i>	260
<i>Негодование из-за утраты привычных позиций</i>	261
<i>Выводы</i>	264
Приложение к главе 9. СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	269
Глава 10. РЫНОЧНЫЙ ПОРЯДОК, ИЛИ КАТАЛЛАКТИКА	275
<i>Природа рыночного порядка</i>	275
<i>Свободное общество — это плюралистическое общество, не имеющее общей иерархии отдельных целей</i>	277
<i>Не будучи единой экономикой, Великое общество объединено главным образом тем, что обычно именуют экономическими отношениями</i>	279
<i>Целью политики в обществе свободных людей может быть только абстрактный порядок, но не максимизация задуманного</i>	281
<i>Каталлактическая игра</i>	282
<i>При оценке приспособления к изменившимся обстоятельствам неуместно сопоставление нового положения с прежним</i>	287

<i>Правила справедливого поведения защищают только личную собственность, но не рыночную стоимость . . . . .</i>	289
<i>Соответствие ожиданий обеспечивается неисполнением некоторых ожиданий . . . . .</i>	290
<i>Абстрактные правила справедливого поведения могут определять только возможности, но не конкретные результаты . . . . .</i>	292
<i>В каталлактике особые распоряжения («вмешательство») создают беспорядок и не могут быть справедливыми . . . . .</i>	294
<i>Целью закона должно быть равное улучшение возможностей для всех . . . . .</i>	296
<i>В хорошем обществе возможности каждого случайно взятого человека велики, насколько это возможно . . . . .</i>	298
Глава 11. ДИСЦИПЛИНА АБСТРАКТНЫХ ПРАВИЛ И ЭМОЦИИ ПЛЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	299
<i>Погоня за недостижимыми целями может помешать достижению возможного . . . . .</i>	299
<i>Причины возрождения племенного организационного мышления . . . . .</i>	300
<i>Аморальные последствия усилий, вдохновляемых моралью . . . . .</i>	301
<i>В Великом обществе так называемая «социальная справедливость» превращается в разрушительную силу . . . . .</i>	303
<i>От заботы о самых обездоленных к защите эгоистических интересов . . . . .</i>	305
<i>Попытки «исправить» порядок рынка ведут к его разрушению . . . . .</i>	308
<i>Восстание против дисциплины абстрактных правил . . . . .</i>	309
<i>Этика открытого и закрытого общества . . . . .</i>	310
<i>Старый конфликт между преданностью и справедливостью . . . . .</i>	314
<i>Малая группа в Открытом обществе . . . . .</i>	315
<i>Важность добровольных ассоциаций . . . . .</i>	316
Книга III. ОБЩЕСТВО СВОБОДНЫХ	
ПРЕДИСЛОВИЕ	321
Глава 12. МНЕНИЕ БОЛЬШИНСТВА И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ	325
<i>Разочарование в демократии растет . . . . .</i>	325
<i>Неограниченная власть — порок большинства современных демократий . . . . .</i>	327
<i>Истинное содержание демократического идеала . . . . .</i>	329
<i>Слабость выборного органа с неограниченной властью . . . . .</i>	332
<i>Коалиции интересов и окологосударственный аппарат . . . . .</i>	337
<i>Соглашение об общих правилах и частных мерах . . . . .</i>	341

Глава 13. РАЗДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ	345
<i>Утрата первоначальной трактовки функций законодательного органа . . . . .</i>	345
<i>Существующие представительные институты были созданы для нужд правления, а не законодательства . . . . .</i>	346
<i>Органы, наделенные правом решать частные задачи, не годятся для принятия законов . . . . .</i>	349
<i>Современные законодательные органы на самом деле заняты правительственной работой . . . . .</i>	351
<i>Партии в роли законодателей ведут к разложению демократического общества . . . . .</i>	355
<i>Конструктивистский предрассудок: суверенитет . . . . .</i>	357
<i>Необходимое разделение власти в представительном собрании . . . . .</i>	359
<i>Демократия или демархия? . . . . .</i>	362
Глава 14. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ СЕКТОРЫ	365
<i>Двойная задача правительства . . . . .</i>	365
<i>Коллективные блага . . . . .</i>	367
<i>Границы общественного сектора . . . . .</i>	370
<i>Независимый сектор . . . . .</i>	372
<i>Налоги и размеры общественного сектора . . . . .</i>	375
<i>Безопасность . . . . .</i>	377
<i>Монополия правительства на общественные службы . . . . .</i>	380
<i>Информация и образование . . . . .</i>	383
<i>Другие важные проблемы . . . . .</i>	385
Глава 15. ПРАВИТЕЛЬСТВО И РЫНОК	387
<i>Конкуренция имеет преимущества, даже если она не совершенна . . . . .</i>	387
<i>Конкуренция как процедура открытия . . . . .</i>	389
<i>В отсутствие условий «совершенной» конкуренции фирмы не могут вести себя так, как если бы эти условия наличествовали . . . . .</i>	391
<i>Преимущества свободного рынка . . . . .</i>	395
<i>Конкуренция и рациональность . . . . .</i>	397
<i>Размеры производства, концентрация и власть . . . . .</i>	399
<i>Политические аспекты экономической власти . . . . .</i>	401
<i>Когда монополия становится вредной . . . . .</i>	405
<i>Проблема антимонопольного законодательства . . . . .</i>	406
<i>Главная угроза — не личный, а групповой эгоизм . . . . .</i>	409
<i>Политические методы распределения доходов и их последствия . . . . .</i>	414
<i>Интересы, поддающиеся и не поддающиеся организации . . . . .</i>	417

Глава 16. ИЗВРАЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА: ВЫВОДЫ	419
<i>Извращение демократического идеала . . . . .</i>	419
<i>Демократия как сделка . . . . .</i>	420
<i>Игрушка в руках групповых интересов . . . . .</i>	420
<i>Законы против директив . . . . .</i>	421
<i>Закон и произвол . . . . .</i>	422
<i>От пристрастности к произволу . . . . .</i>	424
<i>Разделение власти как средство против не связанного законом правления . . . . .</i>	425
Глава 17. МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИИ.	427
<i>Развитие представительных институтов идет неверным путем . . . . .</i>	427
<i>В чем ценность идеализированной модели конституции? . . . . .</i>	429
<i>Основные принципы . . . . .</i>	430
<i>Два представительных органа с различными функциями . . . . .</i>	433
<i>Дополнительные замечания о представительстве возрастных групп . . . . .</i>	438
<i>Правительственное собрание . . . . .</i>	440
<i>Конституционный суд . . . . .</i>	441
<i>Общая структура власти . . . . .</i>	443
<i>Чрезвычайное положение . . . . .</i>	445
<i>Разделение финансовых полномочий . . . . .</i>	446
Глава 18. СДЕРЖИВАНИЕ ВЛАСТИ И РАЗВЕНЧАНИЕ ПОЛИТИКИ	449
<i>Ограниченная и неограниченная власть . . . . .</i>	449
<i>Мир, свобода и справедливость: три великих отрицания . . . . .</i>	451
<i>Централизация и децентрализация . . . . .</i>	453
<i>Верховенство большинства против верховенства закона, одобренного большинством . . . . .</i>	454
<i>Моральная неразбериха и вырождение языка . . . . .</i>	457
<i>Демократическая процедура и цели эгалитаризма . . . . .</i>	458
<i>Государство и общество . . . . .</i>	460
<i>Игра по правилам никогда не ведет к одинаковым для всех результатам . . . . .</i>	463
<i>Околоправительственная активность групповых интересов и гипертрофия правительства . . . . .</i>	464
<i>Неограниченная демократия и централизация . . . . .</i>	466
<i>Передача внутриполитических функций местным властям . . . . .</i>	467
<i>Отмена правительственной монополии на услуги . . . . .</i>	468
<i>Развенчание политики . . . . .</i>	470

Эпилог.	ТРИ ИСТОЧНИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	475
	<i>Ошибки социальной биологии . . . . .</i>	475
	<i>Процесс культурной эволюции . . . . .</i>	477
	<i>Эволюция самовоспроизводящихся сложных структур . . . . .</i>	480
	<i>Напластование правил поведения . . . . .</i>	481
	<i>Привычные правила и экономический порядок . . . . .</i>	483
	<i>Дисциплина свободы . . . . .</i>	485
	<i>Проявления подавленных первичных инстинктов . . . . .</i>	487
	<i>Эволюция, традиция и прогресс . . . . .</i>	490
	<i>Конструирование новой морали в угоду старым инстинктам: Маркс . . . . .</i>	491
	<i>Разрушение незаменимых ценностей в результате научной ошибки: Фрейд . . . . .</i>	495
	<i>Поворот . . . . .</i>	497
	ПРИМЕЧАНИЯ.	499
	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	611
	ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	615

КНИГА I

Правила и порядок

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный том является первым из трех, на которые я решил для удобства разделить рассмотрение важного предмета, на который указывает общее название. В соответствии с изложенным во Введении планом работы, за ним последует второй том, рассматривающий «Мираж социальной справедливости», и третий, посвященный политическому порядку свободного общества («Общество свободных»). Поскольку последующие два тома начерно уже готовы, я надеюсь, что смогу опубликовать их в недалеком будущем. Читатель, которому не терпится узнать, куда ведут мои аргументы, может воспользоваться рядом предварительных исследований, опубликованных в те долгие годы, когда я готовил эту работу, часть которых собрана в *Studies in Philosophy, Politics and Economics* (London and Chicago, 1967) и в более полном издании (но на немецком) *Freiburger Studien* (Tübingen, 1969).

Невозможно перечислить и поблагодарить всех, кто так или иначе помогал мне в течение десяти лет, которые я отдал этой работе. Но одного человека я должен поблагодарить особо. Профессор Эдвин Макклеллан из Чикагского университета и на этот раз сделал все возможное, чтобы привести мой текст в удобочитаемый вид. Я глубоко признателен за эту благожелательную попытку, но должен добавить, что поскольку вариант, над которым он трудился, впоследствии претерпел дальнейшие изменения, его не следует винить за те недочеты, которые могут оказаться в окончательной версии.

ВВЕДЕНИЕ

Есть только одно решение проблемы: элита человечества должна прийти к пониманию ограниченности человеческого разума, одновременно и поверхностного, и глубокого, исполненного и смирения, и дерзновенности, так чтобы западная цивилизация смогла примириться с его неустранимой ущербностью.

Г. Ферреро*

Когда Монтескье и отцы американской конституции, основываясь на опыте Англии, сформулировали концепцию ограничивающей конституции¹, они тем самым установили модель, которой с тех пор следует либеральный конституционализм. Их главной целью было создание институциональных гарантий личной свободы, а надежным механизмом достижения этого они считали разделение властей. В известной нам форме разделение власти на законодательную, судебную и административную ветви не оправдало надежд. Правительства всех стран сумели конституционными методами приобрести полномочия, в которых эти люди им хотели отказать. Первая попытка гарантировать защиту личной свободы с помощью конституционных ограничений явно провалилась.

Конституционализм означает ограничение правительственной власти². Но традиционную формулу конституционализма удалось истолковать таким образом, что она сделалась совместимой с концепцией демократии, понимаемой как форма правления, в которой воля большинства по любому конкретному вопросу ничем не ограничена³. В результате уже всерьез начали поговаривать о том, что конституции — это старомодный пережиток, которому нет места в современной концепции власти⁴. Да и в самом деле, какую функцию выполняет конституция, которая делает возможным всемогущество государственной власти? Или ее задача — всего лишь сделать работу правительственной машины гладкой и эффективной, какие бы цели последняя при этом не преследовала?

В таких обстоятельствах представляется важным вопрос: что в наши дни сделали бы вышеупомянутые основатели либерального конституционализма, если бы для достижения поставленных перед собою целей они могли опереться на весь тот опыт, которым мы располагаем сегодня. История двух последних столетий должна научить нас многому из того, чего эти люди не могли знать, несмотря на всю их мудрость. Мне их цели представляются как никогда актуальными. Но поскольку предложенные ими средства

оказались неадекватными, необходимо изобрести новые институциональные механизмы.

В предыдущей книге я предпринял попытку, надеюсь, не вполне безуспешную, заново сформулировать традиционную доктрину либерального конституционализма⁵. Но только после окончания той работы у меня возникло отчетливое понимание того, почему эти идеи не смогли сохранить поддержку идеалистов, которым обязаны все великие политические движения, и что представляют собой господствующие идеи нашего времени, оказавшиеся с ними несовместимыми. Как мне представляется сегодня, к такому результату привели следующие причины: утрата веры в справедливость, независимую от личных интересов; последовательное использование законодательных полномочий для санкционирования насилия, направленного не просто на предотвращение противоправных действий, но на достижение конкретных результатов для определенных лиц или групп; а также тот факт, что задачи формулирования правил справедливого поведения и контроля над деятельностью правительства возложены на одни и те же представительные собрания.

Написать еще одну книгу на ту же тему меня заставило осознание того, что сохранить свободное общество можно только при условии понимания трех фундаментальных вещей, не получивших прежде адекватного выражения, которые раскрываются в трех частях данной книги. Во-первых, существует различие между организацией и самовозникающим, или стихийным, порядком, и различие это определяется тем, что в них преобладают разные виды правил или законов. Во-вторых, то, что сегодня рассматривается как «социальная», или распределительная, справедливость, имеет смысл только в рамках первого рода порядка — в организации, но лишено всякого смысла и совершенно несовместимо со стихийным порядком, который Адам Смит именовал «Великим обществом», а Карл Поппер — «Открытым обществом». В-третьих, то, что господствующая модель либерально-демократических институтов, когда одно и то же представительное собрание устанавливает правила справедливого поведения и направляет деятельность правительства, с необходимостью ведет к постепенной трансформации стихийного порядка свободного общества в тоталитарную систему, подчиненную интересам неких коалиций организованных интересов.

Я надеюсь показать, что такое развитие событий не является необходимым следствием демократии, а порождается только конкретной формой неограниченной государственной власти, с которой стала отождествляться демократия. Если я прав, то получается, что в господствующей ныне в Западном мире системе представительного правления, которую многие, ошибочно считая

ее единственно возможной формой демократии, считают своим долгом защищать, встроен механизм, уводящий от идеалов, для служения которым она предназначена. Едва ли можно отрицать, что после принятия этой формы демократии мы начали отходить от идеала личной свободы, надежнейшей защитой которой она считалась, и теперь дрейфуем к системе, к которой никто не стремится.

Предостаточно признаков того, что неограниченная демократия движется к гибели, и крах будет сопровождаться не криками радости, а слезами сожаления. Уже сейчас ясно, что многие сформировавшиеся ожидания могут оправдаться только при условии передачи права принятия решений из рук выборных органов коалициям организованных интересов и их наемным экспертам. Нас уже оповестили о том, что теперь задачей представительных органов стала «мобилизация согласия»⁶, т.е. не выражение мнений, а манипулирование мнением тех, кого они представляют. Рано или поздно люди обнаружат, что они не только оказались в полной зависимости от новых, облеченных в законную форму интересов, но что политический механизм парарправительственных учреждений, возникший как необходимое дополнение попечительского государства, создает тупик, поскольку мешает обществу приспособляться к меняющемуся миру, что необходимо для поддержания даже достигнутого уровня жизни, не говоря уже о его повышении. Возможно, прежде чем люди признают, что созданные ими институты завели их в тупик, пройдет какое-то время. Но, пожалуй, пора уже задуматься над тем, как из него выходить. Именно убежденность в том, что для этого придется решительно пересмотреть некоторые общепринятые убеждения, побуждает меня отважиться на то, чтобы предложить здесь ряд институциональных новшеств.

Если бы, публикуя «Конституцию свободы», я знал, что займусь решением задач, которые ставлю перед собой в данной работе, я бы сохранил это название для нее. В той работе я использовал термин «конституция» в широком смысле, в каком оно используется для описания характера телосложения человека. Только в данной книге я решил обратиться к вопросу о том, какие конституционные институты (в юридическом смысле слова) могут наилучшим образом содействовать сохранению личной свободы. Если не считать простых намеков, замеченных лишь немногими читателями⁷, в предыдущей книге я ограничился формулировкой принципов, которым должны следовать современные правительства, если поставят своей целью сохранение свободы. Растущее осознание того, что господствующие институты делают достижение этой цели невозможным, заставило меня все сильнее и сильнее сосредотачиваться на привлекательной и как будто бы

нереализуемой идее, пока утопия не перестала казаться эксцентричной и предстала предо мной как единственное решение проблемы, с которой не сумели справиться создатели либерального конституционализма.

Но к проблеме модели конституции я обращаюсь только в третьей части данной работы. Чтобы сделать предложения о радикальном отходе от сложившейся традиции приемлемыми, необходимо подвергнуть критическому анализу не только существующие убеждения, но и реальный смысл ряда фундаментальных концепций, которые мы всё еще признаем на словах. Фактически я довольно быстро обнаружил, что для выполнения задуманного нужно сделать для XX в. лишь немногим менее того, что сделал Монтескье для XVII. Можете мне поверить, что я не однажды отчаивался в своей способности хоть приблизительно достичь поставленной цели. Я даже не говорю о том, что Монтескье обладал литературным даром, с которым не может соперничать простой ученый. Я имею в виду лишь чисто интеллектуальные трудности, создаваемые тем обстоятельством, что во времена Монтескье соответствующее поле исследования еще не расколосось на множество профессиональных областей знания, тогда как сегодня никто не в силах освоить хотя бы важнейшие работы. Сегодня проблему подходящего общественного устройства изучают — под соответствующим углом — методами экономической теории, юриспруденции, политологии, социологии и этики, но трудность в том, что для достижения успеха эта проблема должна изучаться как единое целое. Это означает, что ни один из рискнувших взяться за эту задачу не может претендовать на профессиональную компетентность во всех областях знания, с которыми ему придется иметь дело, или быть знакомым со специальной литературой по всем возникающим вопросам.

Пагубные последствия специализации знания особенно сказываются в двух старейших дисциплинах — в экономической теории и юриспруденции. Те мыслители XVIII в., которым мы обязаны базовыми концепциями либерального конституционализма, Давид Юм и Адам Смит, в не меньшей степени, чем Монтескье, имели дело с тем, что некоторые из них называли «наукой законодательной деятельности» или с принципами политики в самом широком смысле этого термина. Одной из главных тем этой книги является то, что правила справедливого поведения, изучаемые юристом, служат основанием определенного порядка, характерные свойства которого остаются юристу неизвестными; а изучением этого порядка занимается, главным образом, экономист, который, в свою очередь, мало что знает о характерных особенностях правил поведения, на которых покоится изучаемый им порядок.

Но самое серьезное следствие разделения некогда единой сферы исследований на отдельные научные дисциплины заключается в появлении ничейной земли — смутно очерченной дисциплины, иногда именуемой «социальной философией». Предметом важнейших споров в рамках отдельных дисциплин, по сути дела, были вопросы неспецифические для них, ускользавшие от систематического анализа, а потому относимые к разряду «философских». Последнее зачастую служило оправданием для неявного присоединения к точке зрения, рациональное обоснование которой считалось излишним или невозможным. Однако на эти критически важные вопросы, определяющие не только истолкование фактов, но и политические позиции, можно и должно ответить на основе фактов и логики. Они являются «философскими» только в том смысле, что некие широко распространенные, но ошибочные убеждения опираются на философскую традицию, постулирующую ложные ответы на вопросы, которые могут получить строго научное решение.

В первой главе этой книги я пытаюсь показать, что некоторые широко распространенные научные и политические взгляды зависят от определенной концепции образования общественных институтов, которую я называю «конструктивистским рационализмом» и которая предполагает, что все общественные институты являются или должны являться результатом обдуманного замысла. Можно показать ложность как фактических, так и нормативных выводов этой интеллектуальной традиции, потому что существующие институты не были созданы по чьему-либо плану, да и невозможно устроить общество на плановых основаниях без того, чтобы не сузить в огромной степени его возможности использовать полезные знания. Этот ошибочный подход тесно связан со столь же ложной концепцией человеческого ума как чего-то, пребывающего вне космоса природы и общества, а не как результата того же эволюционного процесса, приведшего к созданию всех общественных институтов.

Постепенно я пришел к выводу, что не только отдельные научные, но и важнейшие политические (или «идеологические») разногласия нашего времени покоятся на фундаментальных расхождениях двух школ мысли, одна из которых — и это можно доказать — ошибочна. Обе принято именовать рационализмом, но мне придется проводить различие между эволюционным (сэр Карл Поппер называет его «критическим») рационализмом, с одной стороны, и ошибочным конструктивистским (по Попперу, «наивным») рационализмом — с другой. Если удастся показать, что конструктивистский рационализм базируется на ложных исходных посылах, тем самым будет доказано, что все вытекающие из него школы научной и политической жизни также несостоятельны.

В области теории это прежде всего логический позитивизм и связанная с ним вера в необходимость неограниченной «суверенной» власти. То же самое верно относительно утилитаризма, по крайней мере в том его варианте, который ориентируется на последствия отдельных действий. Боюсь, что довольно значительная часть того, что называют «социологией», является прямым детищем конструктивизма, например, когда в качестве цели декларируется «создание будущего для человечества»⁸, или, как пишет один автор, утверждается, «что социализм является логичным и неизбежным следствием социологии»⁹. Сюда относятся все тоталитарные доктрины, наиболее выдающейся и влиятельной разновидностью которых является социализм. Их ложность определяется не лежащими в их основе ценностями, а неверным пониманием сил, сделавших возможным возникновение и функционирование Великого общества и цивилизации. Для меня важнейшим результатом анализа, предпринятого в этой книге, является демонстрация того, что расхождение между социалистами и несоциалистами имеет причиной не отличия в ценностных суждениях, а чисто интеллектуальные проблемы, поддающиеся научному решению.

Я также считаю, что та же фактическая ошибка сделала неразрешимой важнейшую проблему политического устройства общества, а именно: как ограничить «волю народа» без того, чтобы не подчинять ее другой «воле». Стоит нам осознать, что в своей основе порядок Великого общества не может покоиться исключительно на замысле, а потому не может иметь целью конкретные предсказуемые результаты, и мы увидим, что достаточно сделать условием легитимности всех ветвей власти приверженность общим принципам, поддерживаемым общим мнением, чтобы гарантировать эффективное ограничение конкретных поползновений любой власти, включая волю случайного большинства.

В вопросах, которые интересуют меня прежде всего, мысль недалеко ушла вперед после Давида Юма и Иммануила Канта, и в некоторых моментах мне придется начинать анализ с того, на чем остановились они. После них никто не продемонстрировал столь четкого понимания статуса ценностей, как независимого и направляющего фактора любых рациональных построений. Здесь меня больше всего тревожит (хотя я смогу затронуть лишь незначительный аспект проблемы) то разрушение ценностей вследствие научной ошибки, которое я считаю величайшей трагедией нашего времени — именно трагедией, потому что ценности, разрушаемые этой научной ошибкой, представляют собой незаменимую основу всей нашей цивилизации, в том числе и самой науки, которая ополчилась против них. Стремление конструктивизма представить эти ценности, которым он не в силах дать объяснения, как продукт

произвольных решений ума, воли или просто эмоций, а не как необходимые условия фактов, воспринимаемые истолкователями последних как само собой разумеющееся, потрясло основы цивилизации, да и самой науки, которая также опирается на систему ценностей, которую невозможно научно обосновать.

ГЛАВА 1

РАЗУМ И ЭВОЛЮЦИЯ

Я должен... рассказать, кем и в какой связи был обнаружен истинный закон формирования свободного государства и как это открытие, тесно родственное тем, которые под именами развития, эволюции и преемственности дали новый и более глубокий метод другим наукам, разрешило древнее противоречие между потребностью в стабильности и необходимостью перемен и установило власть традиции над прогрессом мысли.

Лорд Актон*

Конструирование и эволюция

Есть два подхода к пониманию устойчивых схем человеческой деятельности, которые ведут к радикально разным выводам относительно как их объяснения, так и возможностей их обдуманного изменения. Один из этих подходов основывается на концепциях явно ошибочных, но при этом настолько лестных для человеческого тщеславия, что они стали очень влиятельны и постоянно используются даже теми, кто, сознавая их фиктивность, полагают эту фиктивность безвредной. Другой подход, с абстрактной формулировкой которого, безусловно, согласится почти любой, в некоторых отношениях ведет к выводам настолько неприятным, что мало кто соглашается следовать ему до конца.

Первый дает нам чувство безграничных возможностей в реализации наших желаний, тогда как второй ведет к пониманию того, что наши созидательные возможности не безграничны и что некоторые наши мечты и упования беспочвенны. При этом всякий раз, когда мы позволяли себе увлечься иллюзией безграничных возможностей, реальные созидательные возможности человека уменьшались. Потому что человеку удастся в полной мере использовать свои возможности только тогда, когда он осознает свою ограниченность¹⁰.

В соответствии с первым подходом считается, что все человеческие институты и установления могут служить человеческим

целям, только если они были созданы именно для этого, и зачастую сам факт существования некоего института истолковывается как свидетельство того, что он был создан для некоей особой цели, и не подвергается никакому сомнению, что мы должны перестроить общество и его институты таким образом, чтобы все наши действия были целиком подчинены достижению известных целей. Для большинства людей эти утверждения кажутся почти самоочевидными и рассматриваются как единственная позиция, достойная мыслящего существа. При этом базовое утверждение, что всеми благотворными институтами мы обязаны замыслу и что только замысел делает их полезными для наших целей, вообще говоря, ошибочно.

Этот подход идет от глубоко укорененного в примитивном мышлении антропоморфизма, согласно которому все регулярности, наблюдаемые в явлениях, рассматриваются как результат замысла мыслящего сознания. Но именно в тот период, когда человек начал освобождаться от этого наивного понимания, оно получило поддержку влиятельного философского направления, которое ассоциируется у нас с освобождением человеческого сознания от ложных предрассудков, и стало господствующей концепцией века разума¹.

Другой подход, медленно и постепенно укреплявшийся со времен античности, но на какое-то время совершенно заслоненный более обаятельным конструктивистским подходом, заключается в том, что упорядоченность общества, существенно повышающая эффективность личных усилий, является не столько порождением специально для этой цели созданных институтов и обычаев, сколько возникает в ходе процесса (который сначала именовали «ростом», а позднее «эволюцией»), заключающегося в том, что обычаи, появившиеся либо случайно, либо для неких особых целей, сохраняются благодаря тому, что группа, в которой они закрепились, получает превосходство над другими. С тех пор, как этот подход был систематически разработан в XVIII в., он вынужден противостоять не только антропоморфизму примитивного мышления, но, даже в большей степени, натиску новой рационалистической философии, которая взяла наивный антропоморфизм на вооружение. Именно вызов со стороны этой философии привел к разработке эволюционного учения¹¹.

Принципы картезианского рационализма

Рене Декарт был тем великим мыслителем, который с наибольшей полнотой развил базовые идеи течения, которое мы именуем конструктивистским рационализмом. Хотя он воздержался

от распространения своих идей на область социальной и моральной философии¹², это сделал его старший современник, проживший намного более долгую жизнь, Томас Гоббс. Хотя сам Декарт заботился только об установлении критериев истинности утверждений, его последователи, естественно, применили их к оценке уместности и оправданности действий. «Радикальное сомнение», побуждавшее его отказываться в истинности любому утверждению, которое не может быть логически выведено из явным образом сформулированных «ясных и отчетливых», т.е. не допускающих сомнений, посылок, отказало в законности всем правилам поведения, которые не могли быть обоснованы подобным же образом. Сам Декарт сумел уйти от последствий, приписав такого рода правила поведения замыслу всеведущего божества, но те из его последователей, которым подобное объяснение уже не казалось достаточным, отнесли к иррациональным предрассудкам все, что основано на традиции и не может быть в достаточной степени рационально обосновано. Отрицание как «просто мнения» всего, истинность чего не может быть доказана в соответствии с его критериями, стало главной характеристикой начатого им движения.

Поскольку Декарт определял разум как логический вывод из явно сформулированных посылок, рациональным стало считаться только действие, обусловленное исключительно известной и доказуемой истиной. Отсюда всего один шаг до вроде бы почти неизбежно напрашивающегося вывода о том, что только то, что является истинным в этом смысле, может вести к успеху, а, значит, решительно все, чему человек обязан своими достижениями, является продуктом его умозаключений, понимаемых таким образом. Институты и обычаи, которые не были созданы в соответствии с этой процедурой, могут быть благотворны только случайным образом. Это стало характерной установкой картезианского конструктивизма с его презрением к традициям, обычаям и истории вообще. Человек способен сконструировать общество заново при помощи одного только разума¹³.

Однако «рационалистический» подход, в сущности, означал возврат к примитивным антропоморфным способам мышления. Он возродил склонность приписывать происхождение всех институтов культуры изобретению или замыслу. Нравы, религия и законы, язык и письменность, деньги и рынок — считалось, что все это обдуманно создано кем-то или, в крайнем случае, такому замыслу приписывалось их совершенство. Интенционалистское, или прагматическое, представление¹⁴ об истории получило законченное выражение в концепции учреждения общества на основании общественного договора, предложенной сначала Гоббсом, а потом Руссо, который во многих отношениях был прямым

последователем Декарта¹⁵. Даже несмотря на то, что их теория не всегда претендовала на воссоздание того, что происходило в истории на самом деле, она неизменно предназначалась в качестве директивного руководства для определения того, какие из существующих институтов заслуживают признания в качестве рациональных.

Именно этой философской концепции мы обязаны сохраняющимся до сих пор предпочтением всего, что делается «сознательно» или «обдуманно», а поэтому и определения «иррациональный», или «нерациональный», приобрели уничижительный смысл. В результате уважительное прежде отношение к традиционным, или укоренившимся, институтам и обычаям сменилось на пренебрежительное, а всякое «мнение» стало считаться «всего лишь» мнением, т.е. чем-то не имеющим рационального значения или оправдания, а потому не могущим служить веским основанием для принятия решения.

При этом базовое допущение, на которое опирается вера в то, что человек достиг господства над окружением главным образом благодаря способности логического вывода из явно сформулированных посылок, — не соответствует фактам, и любая попытка ограничить его возможности теми действиями, для которых можно отыскать логическое оправдание, лишит его самых эффективных средств достижения успеха. Утверждение о том, что эффективность наших действий исключительно или преимущественно обязана знанию, которое может быть выражено словами и, таким образом, может стать явной посылкой силлогизма, попросту ошибочно. Многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели. Мы живем в обществе и способны легко ориентироваться в нем, а наши действия с большой долей вероятности приводят к успеху не только потому, что окружающие нас люди руководствуются известными целями или известными соотношениями между средствами и целями, но и потому что мы ограничены также правилами, назначение или происхождение которых нам неизвестно, да и об их существовании мы далеко не всегда догадываемся.

Человек — животное, не только преследующее цели, но и следующее правилам¹⁶. Он добивается успеха не потому, что знает, почему должен подчиняться тем правилам, которые он соблюдает, или хотя бы способен выразить все эти правила словами, а потому, что его действия и мышление подчинены правилам, которые развились в обществе в результате отбора и, таким образом, представляют собой опыт поколений.

Конструктивистский подход ведет к ошибочным выводам, поскольку не только в примитивных, но и в еще большей степени в цивилизованных обществах действия человека по большей части успешны в силу того, что они учитывают как известные факты, так и множество других, которых он не знает и знать не может. При способности к внешним обстоятельствам осуществляется путем соблюдения правил, не им придуманных, а зачастую им даже не осознаваемых, хотя он и способен соответствовать им на практике. Или, иными словами, мы приспособляемся к окружению не только и даже не главным образом путем выяснения связей между причинами и следствиями, но и потому, что наши действия подчинены правилам, приспособленным к миру, в котором мы живем, т.е. к обстоятельствам, которых мы не осознаем, но которые тем не менее определяют модели успешных действий.

Полная рациональность действий в картезианском смысле требует исчерпывающего знания всех существенных фактов. Чтобы организовать материальные объекты для получения желаемого результата, конструктору или инженеру необходимо знать все исходные данные и иметь возможность их контролировать и манипулировать ими. Отдельный человек не в состоянии усвоить всё то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашем *доверии* к вещам, истинность которых мы не в состоянии *знать* в картезианском смысле.

Соответственно, при чтении этой книги читателю следует постоянно помнить о том, что ни один человек не знает и не может знать большую часть конкретных фактов, определяющих действия всех многообразных членов человеческого общества. На первый взгляд, может показаться, что это настолько очевидно и бесспорно, что даже не заслуживает упоминания и уж подавно не нуждается в доказательствах. Но если постоянно не подчеркивать это обстоятельство, оно слишком легко забывается. Последнее происходит, главным образом, потому, что это знание крайне затрудняет наши попытки объяснить и разумно повлиять на происходящие в обществе процессы и резко ограничивает наши возможности высказываться о них и оказывать на них влияние. Существует огромное искушение начинать, в первом приближении, с допущения о том, что мы знаем все, что нужно для полного объяснения или контроля. Зачастую предполагается, что это временное допущение не имеет особых последствий, так что позднее его можно будет отбросить без большого ущерба для выводов. Но неизбежное неведение относительно большинства частных, образующих порядок Великого общества, служит источником центральной

проблемы всего социального порядка, и ложное предположение, на основании которого мы временно отбрасываем это обстоятельство, потом просто предается забвению — оно почти никогда не снимается явным образом. И дальше аргументация развивается так, будто это неведение не имеет никакого значения.

Именно наше неустранимое неведение относительно большей части отдельных фактов, определяющих ход общественных процессов, является причиной того, что большинство социальных институтов именно таковы, каковы они есть. Говорить об обществе, о котором его члены или наблюдатель знают все существенные факты, — значит говорить о чем-то, решительно отличном от всего, когда-либо существовавшего, об обществе, в котором по необходимости не будет большей части того, что существует в нашем обществе, и которое при этом обладало бы свойствами, которых мы не в силах даже представить себе.

Я довольно подробно исследовал роль и значение нашего неизбежного неведения относительно конкретных фактов в другом месте¹⁷, а здесь хочу лишь подчеркнуть важность этого обстоятельства в самом начале книги. Тем не менее есть моменты, которые необходимо сформулировать заново. Прежде всего, неустранимое неведение каждого, о ком я говорю, относится к конкретным фактам, которые известны или станут известны кому-либо еще и тем самым окажут влияние на структуру всего общества. Структура человеческой деятельности постоянно адаптируется (и функционирует путем адаптации) к миллионам фактов, которые в своей совокупности не известны никому. Значение этого процесса наиболее очевидно в области экономической жизни, где на него впервые и обратили внимание. Как известно, «экономическая жизнь не социалистического общества состоит из миллионов связей или потоков между отдельными фирмами и домохозяйствами. Мы можем вывести касающиеся их теоремы, но мы никогда не сможем наблюдать их все»¹⁸. Открытие роли нашего институционального неведения в сфере экономики, а также методов, с помощью которых мы научились преодолевать это препятствие, было отправным пунктом¹⁹ развития идей, которые в данной книге систематически применяются к более широкой сфере общественной жизни. Одно из главных наших утверждений состоит в том, что большинство правил поведения, направляющих наши действия, и большинство институтов, возникших вследствие этой регулярности, представляют собой формы приспособления к невозможности для одного отдельно взятого человека сознательно учитывать все конкретные факты, которые в своей совокупности составляют порядок общества. В частности, мы увидим, что на необходимой ограниченности нашего знания конкретных фактов покоится сама возможность справедливости, так что все конструктивисты, при-

выкшие настаивать на допущении о всеведении, не в состоянии понять саму природу справедливости.

Нужно подчеркнуть еще одно следствие этого важного факта, а именно: только в примитивном обществе сотрудничество между членами малой группы может опираться на то обстоятельство, что в любой данный момент все члены группы будут обладать примерно одинаковым пониманием и сведениями о ситуации. Самые мудрые могут лучше истолковывать происходящее или помнить то, что происходило в отдаленных местах и неизвестно остальным. Но конкретные события, с которыми сталкиваются отдельные люди в своей повседневной деятельности, будут для всех по большей части одинаковыми, и они будут действовать совместно, потому что их знания и цели более или менее одинаковы.

Совершенно иная ситуация в Великом²⁰, или Открытом, обществе, где взаимодействуют миллионы людей и где развилась цивилизация в том виде, как она нам известна. Экономическая теория давно подчеркивает возникающее в такой ситуации «разделение труда». Но гораздо меньше внимания было уделено фрагментации *знаний*, т.е. тому факту, что каждый из членов общества может обладать лишь малой долей общего знания, в силу чего каждый пребывает в неведении относительно большинства фактов, на которых покоится функционирование общества. Именно использование огромного объема знаний, которыми не может располагать никакой отдельный человек, в результате чего все действуют в рамках согласованной структуры, большая часть конституирующих факторов которой индивидуальному сознанию неизвестна, является отличительной чертой всех развитых цивилизаций.

Член цивилизованного общества отличается не столько большим объемом знаний, сколько огромными возможностями извлекать пользу из знаний других людей, что и определяет его способность преследовать бесконечно более широкий круг целей, чем необходимо для удовлетворения его самых настоятельных материальных потребностей. В самом деле, «цивилизованный» человек может быть крайне невежественным, более невежественным, чем многие дикари, но при этом извлекать массу выгод из цивилизации, к которой он принадлежит.

В этом отношении характерная ошибка конструктивистских рационалистов заключается в том, что они кладут в основу своей аргументации так называемую *синоптическую иллюзию*, т.е. воображают, что все существенные факты известны некоему разуму, так что, исходя из этого детального знания разнообразных фактов, можно выстроить желательный социальный порядок. Иногда эту иллюзию с трогательной наивностью выражают энтузиасты обдуманно планируемого общества, как в том случае, когда один

из них возмечтал о развитии «искусства синхронного мышления: способности одновременно иметь дело с множеством взаимосвязанных явлений и составлять единую картину на основе качественных и количественных характеристик этих явлений»²¹. Такое впечатление, что они совершенно не отдадут себе отчета в том, что их мечта попросту игнорирует центральную проблему, возникающую при всякой попытке понять или изменить устройство общества: нашу неспособность собирать в обозримое целое все данные, относящиеся к социальному порядку. При этом все те, кого очаровывает прелесть планов, возникающих при таком подходе, потому что они «настолько методичны, наглядны и легки для понимания»²², оказываются жертвами синоптической иллюзии и забывают, что источником кажущейся ясности этих планов является игнорирование автором планов всего того, чего он не знает.

Знание фактов и наука

Главной причиной нежелания современного человека признать, что фундаментальная ограниченность его знаний создает неустранимый барьер на пути рационального переустройства всего общества, является его безграничная вера в возможности науки. Мы так много слышим о быстром прогрессе научного знания, что у нас возникло чувство, будто сохраняющаяся ограниченность нашего знания скоро исчезнет. Однако эта уверенность покоится на неверном понимании задач и возможностей науки, т.е. на ошибочном представлении, что наука есть метод установления отдельных фактов, и по мере развития техники мы получим возможность устанавливать любые нужные нам факты и соответственно оперировать с ними как нам заблагорассудится.

В определенном смысле высказывание о том, что наша цивилизация покоится на преодолении неведения, представляет собой простую банальность. При этом оно маскирует важнейшее обстоятельство: важнейшей характеристикой нашей цивилизации является то, что мы все получаем выгоду от знаний, которыми сами *не* располагаем. И один из способов, с помощью которых цивилизация позволяет нам обойти ограниченность объема индивидуального знания, заключается в преодолении неведения не методами умножения объема индивидуальных знаний, а за счет использования знаний, рассеянных среди членов общества. Таким образом, то ограничение знаний, о котором мы здесь говорим, не может быть преодолено средствами науки. Вопреки распространенным представлениям, наука не является знанием отдельных фактов, а в случае очень сложных явлений возможности науки ограничены к тому же практической невозможностью установ-

ления всех отдельных фактов, которые потребовалось бы знать, чтобы иметь возможность предсказывать определенные события. Успех в исследовании сравнительно простых явлений физического мира, где оказалось возможным устанавливать причинные связи в виде функции небольшого числа переменных, значение которых легко установить, так что в результате стал возможным поразительный прогресс соответствующих отраслей науки и техники, породил иллюзию, что то же самое вскоре произойдет в области изучения более сложных явлений. Но никакая наука и известная техника²³ не способны помочь нам обойти то обстоятельство, что никакой ум и соответственно никакое целенаправленное действие не в состоянии учесть все отдельные факты, которые известны некоей группе людей, но никогда не смогут стать достоянием одного отдельного человека.

И в самом деле, наука, столь успешно научившаяся объяснять и предсказывать отдельные события в случае сравнительно простых явлений (или там, где удастся приблизительно изолировать сравнительно простые «закрытые системы»), при попытке применить свои теории к очень сложным явлениям наталкивается на тот же барьер в виде незнания фактов. В некоторых областях удалось разработать очень важные теории, дающие понимание общей природы некоторых явлений, но они никогда не смогут дать полное объяснение или предсказание отдельных событий — просто потому, что мы никогда не будем располагать полной совокупностью фактов, которые, согласно этим же теориям, для этого необходимо знать. Лучшим примером может служить дарвинистская (или неodarвинистская) теория эволюции биологических организмов. Если бы оказалось возможным установить все значимые факты прошлого, оказавшие влияние на возникновение и отбор отдельных видов, мы получили бы исчерпывающее объяснение существующего видового разнообразия; и, аналогично, если бы удалось установить все факты, которые в будущем повлияют на соответствующие процессы, мы смогли бы предсказывать ход биологической эволюции. Но, разумеется, для нас это недостижимо, потому что наука не способна установить все мельчайшие факты, которые необходимо знать для совершения подобных подвигов.

Полезно отметить еще одно распространенное заблуждение относительно целей и возможностей науки. Я имею в виду веру в то, что наука занимается исключительно тем, что существует, а не тем, что могло бы существовать. Но ценность науки заключается, главным образом, в том, что она говорит нам, что произойдет, если некоторые факты будут иными, чем они есть. Все утверждения научных теорий имеют форму «если..., то...» и представляют интерес именно возможностью подставить после «если» не те условия, которые существуют в реальности.

Пожалуй, особенно значительную роль это заблуждение сыграло в области политических наук, где оно стало препятствием к рассмотрению действительно важных проблем. Здесь ложное представление, что наука есть просто набор известных фактов, привело к тому, что исследования были сведены к установлению отдельных фактов. Но ведь на самом деле главная ценность *всех* наук в том, что они могут рассказать нам, что произойдет, если начальные условия окажутся в каких-то отношениях иными, чем на практике.

Тот факт, что все большее число исследователей общества ограничивается изучением того, что существует в тех или иных сегментах общественной системы, делает получаемые ими результаты не более реалистичными, а практически бесполезными для большинства решений относительно будущего. Плодотворная социальная наука должна преимущественно заниматься исследованием *несуществующего*: конструировать гипотетические модели возможных миров, которые могли бы существовать при изменении некоторых условий. Научная теория должна отвечать на вопрос: что случится, если некоторые условия окажутся не такими, как в прошлом? Задача науки не в накоплении отдельных фактов, а в выдвижении гипотез, способных выдержать систематические попытки их опровергнуть.

Одновременная эволюция ума и общества: роль правил

Ошибки конструктивистского рационализма тесно связаны с картезианским дуализмом, т.е. с концепцией независимо существующей субстанции ума, пребывающей вне космоса природы и позволяющей человеку, изначально наделенному таким умом, проектировать общественные и культурные институты, в условиях которых он живет. На самом деле, разумеется, ум есть продукт адаптации к природному и социальному окружению человека, формировавшийся в постоянном взаимодействии с институтами, определяющими структуру общества. Ум в такой же мере представляет собой продукт социального окружения, в котором он созревает, в какой он воздействует на это окружение и изменяет общественные институты. Он является результатом того, что человек развивался в обществе и приобретал те привычки и навыки, которые повышали шансы его группы на выживаемость. Концепция изначально и окончательно развитого ума, который создает институты, делающие возможной жизнь в обществе, противоречит всему, что нам известно об эволюции человека.

Культурное наследие, в условиях которого рождается человек, состоит из совокупности установившихся практик, или правил

поведения, вошедших в состав наследия потому, что обеспечили успех группе людей, которые не могли знать заранее, что именно эти правила поведения приведут к желаемому результату. Действие предшествует мышлению, и понимание не возникает раньше действия. То, что мы называем пониманием это, в конечном итоге, просто способность реагировать на окружение обеспечивающими выживание шаблонными действиями. Таков скромный вклад в истину, сделанный бихевиоризмом и прагматизмом; впрочем, эти школы столь грубо и примитивно истолковали причинно-следственные связи в этой области, что не столько помогли, сколько помешали их пониманию.

У людей, в не меньшей степени, чем у животных, «обучение на опыте» есть результат не рассуждения, а наблюдения, подражания, передачи и развития установившихся практик, распространенность которых объясняется тем, что они обеспечили успех, и зачастую речь должна идти не о выгоде для того, кто действует, а об увеличении шансов на выживание той группы, к которой он принадлежит²⁴. Результатом такого развития будет, в первую очередь, не четко сформулированное знание, а знание, которое хоть и может быть описано в терминах правил, но которое действующее лицо не способно выразить словами, а только и может, что следовать им. Ум не столько создает правила, сколько состоит из правил действия, т.е. из совокупности правил, которые не были им созданы, но стали направлять действия людей, потому что следование именно этим правилам обеспечивало им преимущество перед другими людьми и группами²⁵.

Изначально не существует различия между практиками, которые обязательно нужно соблюдать для достижения определенного результата, и теми, которые просто следует соблюдать. Есть только один признанный способ делать что-то, и не существует различия между знанием причинно-следственных связей и знанием уместного или допустимого образа действий. Знать мир означает знать, что нужно и чего нельзя делать в определенных обстоятельствах. Чтобы избежать опасности, важно знать, чего ни в коем случае нельзя делать и что необходимо делать для достижения определенного результата.

Эти правила поведения не были разработаны в качестве методов решения известных задач, а возникли потому, что группы, им следовавшие, оказались более успешными и вытеснили остальных. Это были правила, которые в заданных условиях существования обеспечивали выживание большему числу соблюдавших их групп или индивидов. Проблема успешного поведения в малоизученном еще мире была решена за счет принятия правил, которые неплохо служили человеку, но он не *знал* и не мог знать, истинны ли они в картезианском смысле.